

А. И. Смоленцева.
80-е годы XX в.

Александра Ивановна Смоленцева прожила необычайно трудную, но яркую по своим событиям жизнь. Выпускница ВХУТЕМАСа (ВХУТЕИН), она была свидетелем и участником бурных драматических процессов, связанных с революцией, гражданской войной, с теми радикальными изменениями,

деления Союза художников, и тогда глаза ее излучали свет и, казалось, горели изнутри. Меня привлекала к ней точность суждений и оценок. Особенно она не любила надуманность в картинах, которую определяла очень точным словом «отсебятина», что равнозначно было фальши. К себе была не менее строга. Она постоянно находилась в поисках новых художественных решений и потому часто перекомпоновывала уже готовые этюды, которые мне лично казались неплохими. Иногда писала на оборотах картонов. Холстов и подрамников ей постоянно не хватало, так как жила она в жесточайшей нужде. Притом она ни единой минуты, казалось, не жила вне творчества. В ее однокомнатной квартире на улице Гоголя, на 5 этаже, которая ей была выделена уже под старость (кажется, благодаря хлопотам Д. Т. Тутунджан), нельзя было найти ни одной купленной в магазине мебели. Все было собрано из старых, подлежащих выбросу на свалку столов и стульев или самодельно сколоченных табуретов. Во всех углах стояли штабелями картины, этюды, ящики с красками, а в центре — мольберт с начатыми, но еще не законченными работами. А на полках и столах размещались всевозможные кринки, расписные жостовские подносы, глиняные игрушки, коробки с кружевами, которые она собирала всю жизнь, так как они вдохновляли ее на творчество. Больше всего в своей квартире она любила окно, выходящее на реку Вологду, откуда открывались высокое небо, водная гладь реки, а вдали на горизонте виден был причал, или лодочная станция. Это окно также стало источником вдохновения, и на многих ее натюрмортах виден пейзаж с высоким небом в обрамлении кружевной занавески и лежащие на подоконнике лимоны, лук, чеснок или зеленые яблоки, которые излучали короткое летнее тепло и осеннюю грусть одновременно. Было в этих натюрмортах что-то очень «северное»,

Полевые цветы. 1978 г.

которые наблюдались в художественной и культурной жизни страны! в 20-х — начале 30-годов.

Москвичка по рождению, Александра Ивановна волею судьбы оказалась в Вологде и прожила здесь со своей семьей почти полвека. Когда я с ней познакомилась — это было в середине 1970 годов, — ей было уже за 70. Высокая, статная, с орлиным профилем и гладкими седыми волосами, всегда одетая опрятно и со вкусом, она выделялась своей интеллигентностью и простотой. Часто она выступала на обсуждениях выставок, проводимых в Картинной галерее и в выставочном зале Вологодского от-

Мира Даен,
искусствовед

ИЗ ГУЛАГА —

Испытав страшные лишения в жизни,
она оставалась в душе оптимистом и художником
с большой буквы.

Праздничный натюрморт. 1975 г.

грусть без уныния и тоски, внутренний жар без яркого пламени.

По натуре Александра Ивановна была оптимисткой, восхищалась самыми простыми предметами, часто называя их «волшебными». Это слово «ВОЛШЕБНЫЙ» она произносила с

каким-то особенным придыханием, как бы нараспев, передавая в нем восторг от мира природы. Любая свистулька или горшок, сделанные руками, с любовью, находили в душе ее ответный отклик доброты и участия. Она не могла равнодушно пройти

мимо цветущего весеннего луга, колосающейся ржи с васильками или полевыми цветами, которые охотно включала в свои пейзажи и натюрморты. Порой трудно даже было отделить, где в ее картинах кончается натюрморт, а где начинается пейзаж. Свет и большое пространство пронизывают все в них от начала и до конца. Однажды я спросила Александру Ивановну, что она больше всего ценит в натюрморте? Ответ ее запомнила навсегда. «Больше всего я люблю в нем движение, натюрморт не должен быть мертвым, все предметы, краски должны в нем жить, а значит, быть в движении, во внутренней взаимосвязи между собой. Отсутствие движения — это смерть искусства».

Мне казалось тогда большим счастьем разговаривать с Александрой Ивановной об искусстве. Она мне открыла мир «сказочного» в простом и обыденном. Не случайно она так любила творчество своей современницы и подруги по ВХУТЕМАСу Татьяны Мавриной, которую всегда ценила выше себя, скромно умалчивая о собственных заслугах. Из старых мастеров очень любила картины Рокотова и Ватто. Но особенно часто вспоминала о своем любимом учителе Давиде Петровиче Штернберге.

Именно Давид Петрович сформировал ее как художника, приучил к строгости и точному отбору предметов в натюрмортах, открыл законы цвета и света, единства пространства и плоскости, т. е. секреты гармонии в картине. Александру Ивановну он

ценил за талант и возлагал на нее большие надежды как на одну из самых способных. В голодные двадцатые годы помогал ей тем, в чем и сам нуждался: делился красками и хлебом. Но однажды в конце 20-х годов пришло в жизнь Александры Ивановны великое горе. Давида Петровича арестовали, обвинив в

формализме, непокладистости по отношению к власти и прочим «грехам».

Вскоре сослана была из Москвы на строительство Беломор-канала и Александра Ивановна, которая не побоялась в жестокие дни гонений прямо на выставке в Москве вступить за своего любимого учителя в защиту от ложных обвинений. Слова ее тогда оказались «гласом вопиющего в пустыне». Так начались для нее годы скитаний и нечеловеческих мук в ГУЛАГе. Когда это случилось, она была в расцвете сил, физических и творческих. Но творчеством ей было заниматься запрещено, все картины она оставила в Москве, где они были конфискованы.

В Вологду на вольное поселение она смогла приехать лишь во второй половине 30-годов, но жила здесь в большой нужде, без собственного угла, скитаясь с семьей: мужем и маленькой дочерью — на частных квартирах. Без горечи она не могла вспоминать это время и даже запрещала говорить о нем вслух. И все же, испытав столь страшные лишения в жизни, она оставалась в душе оптимистом и художником с большой буквы. Об окружающих ее людях отзывалась с благодарностью. Будучи неисправимым идеалистом, в каждом человеке

Старые домики. 1976 г.

видела только положительные черты. Многие вологжане помнят эту скромную, очень душевную женщину, которая все силы отдавала своему любимому делу — искусству и никогда не отказывалась от любой, казалось бы, не совсем творческой, а оформительской работы. Она оформляла стенды и стенгазеты, а во время Великой Отечественной войны участвовала в Окнах ТАСС, рисовала плакаты и листовки, призывающие к борьбе с фашистами. Глубокая благодарность Александре Ивановне Смоленцевой за то, что она жила, творила на вологодской земле и оставила по себе в своих картинах такую светлую память.

К 100-летию Александры Ивановны Смоленцевой
(7 апреля 1905 — 16 января 1988)

НА ПОСЕЛЕНИЕ В ВОЛОГДУ